

Л.Н. Крикунова

СЕМЬЯ УЧИТЕЛЕЙ

(из воспоминаний)

История эта началась в октябре 1997 г., в дни празднования 65-летия со дня основания Псковского педагогического института. В адрес коллектива поступило множество телеграмм, поздравительных писем, воспоминаний бывших сотрудников, студентов. Но одно письмо привлекло особое внимание.

“Прочитав в газете “Псковская правда” статью “Принявший эстафету”, - писал его автор, - разволновалась от своих воспоминаний, связанных с этим юбилеем. Трое членов нашей семьи получили образование в этом уважаемом учебном заведении много лет тому назад. Мой отец, Ваталев Николай Васильевич, 1884 г. рождения, окончил мужскую учительскую семинарию и работал учителем в Новоржевском уезде до 1920 г. (в школах: Скрипли, Аксеново и Дубровы)... В 1926 г. Псковский педтехникум окончила моя старшая сестра Ваталева Валентина Николаевна (ныне покойная). В 1931 г. Псковский педтехникум окончила и я, Ваталева Людмила Николаевна. У меня был фотоснимок нашего выпуска в саду по ул. Карла Либкнехта, где, кроме нас, студентов, были преподаватели: Малышев И.В. - русский язык и литература, Штарк В.Я. - история, Георгиев - завуч. частью, Андреев - педагогика и др., а также директор Л. Беке. Этот фотоснимок находится в Псковском музее-заповеднике...”

После получения этого письма завязалась переписка, и по нашей просьбе Л.Н. Крикунова прислала свои воспоминания, отрывок из которых публикуется ниже.

Прадед мой по отцовской линии - Иван Федорович Ваталев - происходил из далеких предков - первых поселенцев пригорода Красное, сосланных из Москвы взбунтовавшихся стрельцов. Он не был крепостным, работал плотником по найму на пустоши Лоздовка. Позднее в пригороде Красном, где было много семей Ваталевых, мои предки именовались Ваталевыми-Лоздовскими. Мой дед, Василий Иванович Ваталев, также был плотником. В 1856 г. он женился на односельчанке Крикуновой Мирии Михайловне (моей бабушке), и в 1880 г. они построили двухэтажный дом в Красном (и сейчас еще находится по улице Комсомольская, 24, где я и живу. Правда, сейчас дом уже одноэтажный).

В 1881 г. в семье Ваталевых, вслед за братьями Федором и Александром, родилась дочь Маша - моя тетья (умерла в 1965 и похоронена в Красногородском, на Поклонной горе). Там же, на старом кладбище, покоится и прах моих деда и бабушки. В 1884 г. в этой же семье родился и мой отец Николай Васильевич Ваталев. Отец получил по тем временам неплохое образование. Окончив церковно-приходскую школу, был отправлен во Псков к купцу Карузину в “мальчики”.

Крикунова (быв. Ваталева) Людмила Николаевна, 1914 г.р., пенсионерка, прожив. в пос. Красногородск.

Мечта стать учителем еще с детских лет была путеводной звездой отца. Поэтому, работая днем у купца, вечером стал посещать подготовительные курсы Псковской учительской семинарии. Любознательность и старание вкупе с природными способностями мальчика были замечены преподавателями курсов. Его взял под опеку преподаватель русского языка и литературы И.В. Малышев (у которого годы спустя довелось учиться и мне). Окончив подготовительные курсы, отец блестяще сдал вступительные экзамены в семинарию, стал студентом. В его чудом сохранившейся записной книжке я нашла такое стихотворение:

По воле тоскуя, душа
настрадалась,
И мозг мой не мыслит,
усталый от дум.

Лишь в сердце бездумная
злоба осталась,

Она мне заменит
и душу, и ум.

Ту злобу великую
против тиранов

Кует беспощадная сила -
судьба...

Да сгинет же темное
царство обманов

И жалкое царство раба.

И дух мой мятежный
покоя не знает,

Томяся в оковах
тюремной стены.

По воле тоскует,
по воле страдает

И грозными битвами
грезы полны...

Я не могу достоверно утверждать, что это подражательное стихотворение написано в студенческие годы моим отцом, но то, что оно отвечало его мыслям, бесспорно.

Об этом свидетельствует и тот факт, что, когда отец окончил семинарию и получил диплом преподавателя начальных классов, местный урядник, наслышанный о свободомыслии Николая Ваталева, не разрешил ему работать в родном поселке. Вот поэтому местом первой работы молодого учителя оказалась Скриплевская школа, Кудеверской волости, Новоржевского уезда. Там же судьба свела отца с учительницей из соседней Бардовской школы Ниной Антоновой Корсаковой, моей будущей матерью. Молодые люди полюбили друг друга с первого взгляда, да и на всю жизнь, и поженились в 1905 г. После свадьбы они оба были переведены в двухкомплектную школу в деревню Аксеново, той же волости.

Несколько фактов из генеалогии моей матери. Она родилась в 1884 г. в Новоржеве Псковской губернии в семье уездного врача Антона Казимировича Корсакова и его жены Ульрики Эдуардовны Новицкой. Когда девочке исполнилось три года, она осталась без матери, в 12 лет - без отца. Тогда маму на воспитание взял старший брат Анатолий, живший с женой в Самаре. Там мама окончила женскую учительскую гимназию и пожелала вернуться на работу в родной Новоржевский уезд.

До 1912 г. родители жили в Аксенове, где родились мои старшие сестры Валентина и Мария. В начале 1913 г. родители были переведены Новоржевской земской управой в деревню Дубровы, в двухкомплектную земскую школу. В этой школе в полную силу развернулись хозяйственные способности отца, изучавшего труды Тимирязева, Докучаева. Он привел

в порядок заброшенный сад, обзавелся коровой и пчелиными семьями. Овощей, фруктов отец выращивал столько, что зимой для крестьянских ребятишек были организованы бесплатные обеды. Под руководством отца школьники овладевали не только грамотой, но и умением прививать деревья, ухаживать за животными, заниматься огородничеством.

А в 1914 г., незадолго до начала первой мировой войны, родилась и я.

Мои детские воспоминания в основном начинаются лет с пяти, т.е. с 1919 г. В конце учебного года школа в Дубровах сгорела. Наша семья переехала в Красное, в дедушкин дом. Я и сейчас живу в этом же доме, но тогда он был двухэтажным. Второй этаж дома занимала бабушка с квартирантами, а на первом жила старшая сестра отца, моя тетька - Мария Васильевна Ваталева.

Всю свою долгую жизнь (84 года) тетька Маня прожила в Красногородском, поэтому я хочу о ней рассказать несколько подробнее. У нас в районе нет краеведческого музея, но те, кто бывал в Псковском музее, наверняка, обратили внимание на стенд "Жизнь, отданная детям". На нем размещены материалы о тете Мане - Марии Васильевне Ваталевой.

В 1897 г., после окончания Опочечкой педагогической гимназии, Мария Васильевна была направлена в начальную школу в деревню Ключки (ныне Пограничный сельсовет). 16 лет она работала здесь учительницей начальной школы, а затем была переведена в Красное. Забегая вперед, скажу, что всего учительский стаж Марии Васильевны составил 58 лет. В 1939 г. она была награждена орденом "Знак Почета". Тысячам уче-

ников дала путевку в жизнь эта незаурядная женщина, фанатично преданная своей профессии. Судьба сложилась так, что красивая, умная, добрая женщина всю жизнь прожила одна. Поэтому в ее доме постоянно слышались детские голоса учеников. Она же была бесменным руководителем детского драмкружка в Красногородской школе, кроме того, поселкового драмкружка, состоявшего из местной молодежи. Из поселковых драмкружковцев сейчас я встречаю в Красногородском только Аркадия Синеникольского. Каждая постановка в Народном доме (бывшая Михайловская церковь, а ныне РДК) находила живой отклик у красногородцев. А ставили тогда пьесы Горького, Чехова, Островского. Но вернусь к 1919 году.

После переезда в Красногородское мы поселились у тети Мани. Жили в тесноте, но не в обиде. Школ в районе не хватало, и поэтому Мария Васильевна занималась прямо на дому. Помню, и я на ее уроках постигала первые премудрости грамоты, боясь пошевелиться, чтобы, не дай Бог, не помешать занятиям.

Здесь, в доме бабушки, мы прожили лето, а к началу нового учебного года отец с матерью получили работу в Сауровской двухкомплектной начальной школе. Мы переехали жить в Саурово, в бывший барский дом. Меньшую часть одноэтажного большого дома занимал бывший управляющий помещицы, уехавшей за границу, а в большей был большой классный зал и две учительские комнаты для квартиры. Вместе с нами на новое место жительства была перевезена корова, около 20 ульев пчел, которыми отец с матерью обзавелись еще в Дубровах. Пасека раз-

мещалась в Сауровском саду, и летом в мои обязанности входил контроль за роением пчел и помощь отцу в его уходе за пчелами.

В Саурове мы прожили около трех лет. Но за это время брат матери в Новоржеве, дядя Толя, продал дом и часть вырученных денег передал нам на обзаведение собственным домом. На эти деньги отец приобрел в Латвии три мешка соли, один из них поменяли на коня Рыжку. Этот конь стал нашим надежным помощником в строительстве собственного дома. Бабушка с тетей Маней отдали нам верхний этаж своего дома, который отец на Рыжке перевез на хутор Краинка (сейчас это придорожные поля по дороге из Красногородска на Мызу). Была нанята артель, и в 1922 г. мы оказались на хуторе в собственном доме. За это время у нас родилась и умерла от кори сестренка Ира.

Вращаясь в учительской семье, где были две старшие сестры-ученицы, я рано начала читать, знала все стихи, что учили сестры, и поэтому уже в 6 лет я в классе своей мамы училась в 1-м классе. Правда, когда были уроки надоедливой арифметики, убегала из класса на квартиру и, забравшись под кровать, читала сказки Андерсена, Шарля Перро и др., которыми нас одаривала любимая тетя Маня. Так же, как и мои сестры, я училась в Красногородской школе. Заветной мечтой нашего отца было видеть своих дочерей также учителями. Но этого не случилось, мы не оправдали надежд своих родителей. Старшая сестра Валентина после семилетки в Красном поступила в Псковский педтехникум, училась хорошо, но уже на третьем курсе, весной, заболела воспалением легких. Мать, съездив в Псков, забрала ее

домой. После выздоровления сестра в свои 18 лет вышла замуж за агронома и уехала с ним в другой район. Мария после семилетки дальше учиться не пожелала и уже в 16 лет также вышла замуж за бухгалтера и уехала с ним; в дальнейшем сама она получила специальность бухгалтера, окончив в Ленинграде специальные курсы. Работала главным бухгалтером на строительстве гидроэлектростанций: в Ташкенте на Чирчикстрое, в Азербайджане - Мингечурской ГЭС, затем в Новосибирске, была награждена высокими правительственными наградами.

Кроме дочери Иры, умершей в возрасте двух лет, у моих родителей в 1924 г. родилась еще одна дочь - Галина, также прожившая недолго - всего три года. В 1927 г., наконец, родился долгожданный сын - Юрий.

В апреле 1924 г. в поселке на общем собрании было организовано сельское потребительское общество. Будучи человеком честным, грамотным, трудолюбивым, отец в поселке имел авторитет у народа и поэтому был избран председателем сельпо. Членом-пайщиком стала и я, в десятилетнем возрасте, и до сих пор являюсь им. Дела у сельпо шли, очевидно, неплохо, потому, что отец, сам был человек предприимчивый и подобрал себе энергичных помощников. Помню, что он специально ездил в Новоржев приглашать к нам на работу тамошнего колбасника Петра Лукича Лукина. Вскоре в Красном появилась своя колбасная, булочная. На лошадях ездили в Опочку на железнодорожную станцию за товарами первой необходимости: солью, спичками, мылом, керосином и т.д. На ссуды, полученные в Госбанке, началось строительство помещений. Уже к 1927 г.

появился продовольственный магазин, промтоварный из нескольких отделов: мануфактурного, хозяйственного, галантерейного, готовой одежды. В бывшей пекарне Мухина выпекали вкусные баранки, кренделя, караваи ситного.

Но отец был беспартийным, а местным партийным органам независимый человек во главе сельпо был не нужен. Под разными предложениями они пытались скомпрометировать отца и найти ему "достойную" замену. Несколько собраний подряд пайщикам представляли нового кандидата, но народ голосовал только за Николая Васильевича Ваталева, моего отца. В 1929 г. у продавца скобяного отдела И.И. Карузина случилась растрата в сумме 380 рублей. Учитывая многосемейность продавца и то, что растрату он погасил, правление сельпо приняло решение оставить его на прежнем месте. Но когда через месяц сделали ревизию, у Карузина снова оказалась растрата. И хотя было решение правления о том, чтобы не увольнять растратчика в первый раз, отец вину взял на себя. В результате народным судом он с И.И. Карузиным были приговорены к восьмимесячному тюремному заключению и погашению растраты.

Ну, а я после семилетки поступила в Псковский педтехникум, на школьное отделение. Под арестом отец находился в Пскове, и я в выходные дни навещала его в тюрьме. Отец с товарищами даже угощал меня постоянно гречневой кашей, по всей видимости, тогда заключенных кормили хорошо. Мы же, студенты техникума, получали стипендию по 13 рублей в месяц. Из них 8 рублей уходило на оплату общежития, три - на столовую и два рубля оставалось на личные расходы.

Техникум я отлично окончила в 1931 г. и по распределению была направлена в Герасименскую сельскую двухкомплектную школу Верхнемостского сельсовета Славковского района. Второй учительницей в этой школе была Нина Васильевна Тиханова, окончившая Ленинградский педтехникум им. Н.К. Крупской.

Итак, я, 17-летняя заведующая школой, получив в Верхнемостском сельсовете ключи, вошла в пустующий дом, довольно еще хороший, где, кроме большой классной комнаты, находились кухня и комната для учителей. В ней мы с Ниной и разместились. Спали на кровати, сделанной из досок и державшейся на двух "козликах", на моем матраце, набитом соломой. Моими же были одеяло и постельное белье, так как у Нины, воспитывавшейся в детском доме, ничего этого не было.

Деревня Герасименки состояла из двух десятков изб. Посетив избы ее жителей и соседних деревень и сделав перепись учеников, мы набрали таким образом полный комплект. Я вела 1 и 4 классы, Нина - 2 и 3. Жизнь в этих деревнях повергла нас в ужас. В деревне не было ни одной бани, мылись в огромных русских печах в избе: истопив хворостом печь, выметали золу и угли, застилали соломой и там как-то мылись из деревянных ведер, которыми носили и воду из единственного в деревне колодца.

Что особенно было страшно, так это то, что в некоторых семьях на печи доживали свой век старики, больные сифилисом. Он появился у мужиков, уезжавших из деревни в Питер на заработки зимой, а к лету возвращавшихся домой, чтобы вырастить скудные урожаи...

Поэтому мы с Ниной двумя школьными железными ведрами приносили на коромысле воду за два километра из небольшой речушки, а зимой растапливали в чугушке снег для себя и в классный бачок.

В течение двух недель вместе с родителями своих учеников мы приводили в порядок парты, доски и скамейки, а потом нужно было привезти по ужасному бездорожью из Славковского РОНО учебники, тетради, карандаши, ручки, чернила и т.д. С помощью председателя сельсовета откуда-то с пограничной заставы нам привели двух оседланных лошадей, старых и спокойных, и на них мы, две новоявленные "амазонки", отправились в Славковичи. Там стали в райкоме на комсомольский учет, а в РОНО получили необходимые принадлежности. Водрузив впереди себя огромные кипы, поехали обратно. Только к ночи, усталые и измученные, мы вернулись в деревню. Зато школа была к 1 сентября обеспечена всем необходимым.

С началом занятий все вошло в норму: днем - класс, а вечером - тетради и конспекты на новый день. После выполнения этих обязательных занятий начиналась наша "самодеятельность", так как вечером в нашу квартиру собирались все деревенские девушки - кто с прялкой, кто с вязанием или шитьем. Пели песни, читали вслух особо любимые нашими односельчанами произведения Гоголя, Пушкина, Толстого, т.е. все, что мы имели у себя. Большой роскошью по тем временам была наша единственная большая лампа, для которой из магазина сельсоветом выделялся керосин; деревенские избы освещались только лучиной. За всю зиму только единственный раз в деревню приезжала кинопе-

редвижка, и в нашем классе для просмотра картины собиралось все население деревни. И вдруг произошло событие, коренным образом поменявшее всю мою судьбу.

Одна из наших односельчанок, девушка Шура Андреева, живущая с одинокой старой матерью в своей полуразрушенной избе, в хозяйстве, не имевшем ни коровы, ни даже кур, оказалась беременной. Виновником этого был соседний хуторянин, богатейший по тем временам Иван Тарасов. Его сестра училась у меня в 4 классе, и иногда Иван привозил ее в школу - то на санках, то верхом на жеребце. Нас, молодых учительниц, он приглашал покататься и при этом в разговоре хвастался своими похождениями и "победами" над бедной девушкой Шурой. Шура долго скрывала это дело, но в феврале родила мальчика. Мать выгнала ее вместе с малышом из дома, и она пришла к нам. Мы поместили ее в своей комнате, нашили из своего поношенного белья распашонки, пеленки, купали маленького Ванюшу и кормились вместе одной семьей. Мать Шуры особенно переживала, что в деревне никто не соглашался быть крестным отцом ее внука. Вот я и решила этот вопрос по-своему: попросила одного из родителей своего ученика, имевшего лошадь, отвезти меня в погост Владимирец, где действовала церковь. И там старенький священник окрестил нашего Ванюшу (так его назвала Шура в честь своего "подлого" Ивана Тарасова). Обрадованная старуха (Как же! Кумой стала сама "учительша"!) тут же забрала Шуру к себе, чему мы все были очень рады.

Но теперь гром разразился надо мной: вызвали "на ковер" в РОНО, исключили из комсомола и

послали разгромное письмо в педтехникум: дескать, плохо там поставлена воспитательная работа и т.д. и т.п. К нам в школу приехали из техникума завуч Георгиев и преподаватель педагогики Андреев. Досконально была проверена наша учительская работа, конспекты, тетради; проверявшие присутствовали на уроках, где изучали знания учеников. Впечатление у проверяющих осталось самое хорошее, и, успокаивая меня, заплаканную заведующую школой, Георгиев сказал, что по рекомендации И.В. Мальшева я зачислена в открывающийся в Пскове пединститут. Но ведь я, как стипендиатка, должна была еще год работать в этой школе!

Комиссия, составив хороший отчет о проверке, уехала, а мы продолжали работать. Да, еще... Когда я была по вызову в РОНО, то зашла в суд, все рассказала о Шуре Андреевой и от ее имени написала заявление в отношении отцовства ребенка и алиментов. Свидетелями указала себя и Нину Тиханову. Уже в конце февраля состоялся суд, и ответчика, признанного отцом, принудили к уплате алиментов. От него же изъяли и передали Шуре часть имущества - корову, придел к избе, хлев. А через несколько дней в школе - в классной и нашей комнатах - выбили все стекла. Хорошо, что сельсовет тут же выделил ящик стекла и прислал мастера.

В начале марта сельсовет поручил нам провести в соседнем колхозе собрание с докладом о празднике 8 Марта. Я приготовила доклад, и мы с Ниной отправились за 4 км в деревню, где находилось правление колхоза. Снег был глубокий, по колено, и хорошо, что сторожиха школы дала нам валенки: в наших башмачках со шнур-

ками идти было невозможно. Выполнив поручение, уже глубокой ночью вернулись домой, и тут оказалось, что в нашей квартире замок сорван, а наши немногочисленные вещички украдены: из матраца была вытряхнута солома, и в нем было все и унесено, даже башмаки. Остались мы в чужих валенках и в том, что было на нас.

Трудными оказались эти оставшиеся до конца учебного года месяцы. Мне-то еще было ничего, кое-что из белья и одежды прислали родные, а Нина, никого на свете не имевшая, не осушала глаз от слез. Я делилась с нею всем, что имела, да еще сельсовет написал нам из магазина парусиновые туфли с галошами и по 20 штук неразрезанных белых ситцевых платков, из которых мы сшили себе смену нижнего белья. Наконец-то окончился учебный год, и я вернулась домой, на свой любимый хутор, к своим родителям и со слезами на глазах заявила отцу, что больше в школу в эти Герасименки не поеду.

Расстроенный отец, к тому времени вернувшийся из заключения, не настаивал на продолжении моего учительства, и я устроилась работать счетоводом в МТС. Больше педагогической деятельностью я не занималась. Но молодость есть молодость. В поселке был драматический кружок, которым руководила моя тетя Мария Васильевна Ваталева. Я тут же стала участницей спектаклей, ставили пьесы Островского и современных авторов. Среди участников был и мой будущий муж Александр Иванович Крикунов. В январе 1933 г. мы с ним поженились, и я с хутора переселилась в поселок - в дом мужа и его матери. Однако новое несчастье обрушилось на нашу семью...

В 1931 г. в районе начали создавать колхозы. Наша семья вступила в колхоз "Красная нива", правление которого находилось в доме, ранее принадлежавшем Ф.Л. Крикунову. Колхозники избрали отца председателем ревизионной комиссии, тетя Маня тоже вошла в ее состав. В то время более зажиточные семьи раскулачивали и ссылали в Синявино (Ленинградская область). После одной из ревизий отец вышел с помощниками покурить. В разговоре о житье-бытье он с горечью обронил: "Велика и обильна земля наша, а порядка в ней нет..." Через некоторое время отца арестовали чекисты. При обыске ничего компрометирующего найдено не было, но малограмотные сотрудники с удивлением увидели в домашней библиотеке сочинения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Чехова, книги по сельскому хозяйству Тимирязева, Докучаева, Мичурина и даже брошюру Ленина "О НЭПе". "Все - политика, - решили они, - в таких обложках другого быть не может!" Откуда им было знать, что фраза, произнесенная отцом и признанная антисоветской, принадлежала Карамзину!

При аресте все мы кинулись в слезы. "Я ни в чем не виноват, - уверенно произнес отец, - и скоро вернусь". Но этому не суждено было быть. Через некоторое время узнали, что донос на отца был написан заведующим аптекой. Я намеренно опускаю его фамилию, потому что во время оккупации он был расстрелян. Через некоторое время с мужем поехали в Опочку, где отец находился под следствием. Но когда прибыли туда, он был уже в Острове, где его судила "тройка" и приговорила по 58-й статье к 5 годам лишения свободы. Я тут же потеряла ра-

боту кассира МТС. Фактическая формулировка была: увольнение за прогул, но я понимала, что от меня пытались избавиться как от дочери "врага народа". На полгода осталась безработной. К тому же Сашу призвали в армию, на так называемый "терсбор". Нужно было как-то жить: ведь две семьи остались без кормильцев, а к тому же я еще была беременной. Усложнило положение и то, что после ареста отца значительная часть имущества на хуторе у мамы была конфискована: все надворные постройки, лошадь, корова, сельхозинвентарь и 15 ульев пчел. Остались лишь 8 старых ульев. Братишка Юра плакал дотога, что один из понятых прихватил и его трехколесный велосипед. Сестры с мужьями жили далеко, да и говорить о семейном горе можно было только между собой. Спасибо тете Мане: чем могла, она помогала и мне, и маме. Прожили таким образом полгода, а в октябре пришел из армии мой Саша. 26 октября 1933 г. у нас родился первенец - сын Валерий.

Жизнь снова вроде бы стала налаживаться. 4 ноября я поступила на работу счетовода-кассира в сельпо. Помня наказ отца, что новая специальность потребует перестроиться, я в январе 1934 г. поступила в Москве на заочное обучение по специальности "бухгалтер-экономист". Через три года успешно окончила учебу, а в 1938 г. у нас родился второй сын. Подошел и срок окончания заключения отца.

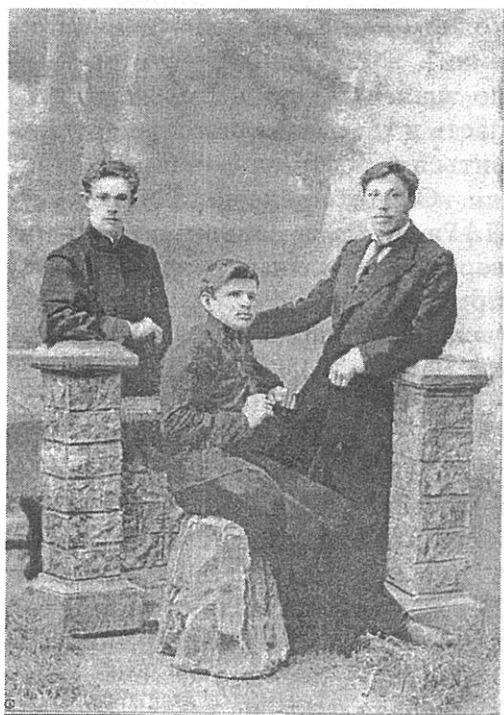
Но тогда, в 1938-м, вернуться в родные места он не смог, так как жить в пограничном районе ему не разрешили. В предложенной для жительства Калининской области он избрал Старицкий район. Вскоре мы с мужем съездили туда поведаться с ним. И он рассказал нам следующее.

В Острове, где его “судила” “тройка”, всех осужденных комплектовали по группам в соответствии с назначенными сроками. Осужденных на 5 лет было особенно много, в основном крестьян, отказавшихся вступить в колхоз. Их разместили в наспех подготовленных для этой цели сараях, где осужденные спали на грубо сколоченных нарах. Шел апрель 1933 года, сараи находились на берегах Великой, которая сильно разлилась и затопила их. Заключенные по очереди стояли в переполненных сараях по колено в воде, чтобы потом отдохнуть на верхних нарах. Но это ускорило отправку этапа на строительство Комсомольска-на-Амуре, и, видимо, тогда же в анкетные данные отца вкралась неточность: он значился как “малограмотный, крестьянин-единоличник”. Эти же данные приведены и в первом томе “Книги Памяти жертв политических репрессий” (Псков, 1996. С.180), где речь идет о реабилитации отца. Видимо, тогда, при отправке все про-

ходили как “крестьяне-единоличники”, но ни для кого это не имело значения: лишь бы скорее попасть в товарники-вагоны и отправиться к месту назначения.

Отец, перенесший 5 лет ГУЛАГа в Комсомольске-на-Амуре, вернулся с больным сердцем. Мама, продолжавшая жить на хуторе (дом при конфискации имущества ей оставили), вскоре уехала с Юрой к папе. Там они вместе работали в Ново-Ямской школе. Папа умер в 1945 г. от острой сердечной недостаточности, похоронили его на сельском кладбище, которое через три года было затоплено Волжским водохранилищем, так как находилось на берегу Волги. В 1976 г. отец был полностью реабилитирован.

Послесловие. Л.Н. Крикунова-Ваталева в годы войны пережила все ужасы оккупации и фашистских концлагерей в Германии, а после войны (в 1948г.) переехала с мужем в Великие Луки, где прожили до 1971 г., а затем вернулись в Красногородск.

Группа учащихся Псковской
учительской семинарии. 1904 г.

Первый слева - Н.В. Ваталев.

Мария Васильевна Ваталева.
1902 г.

Н.В. Ваталев в год окончания
учительской семинарии. 1905 г.

Семья учителей Дубровской
школы Новоржевского уезда.
Н.В. Ваталев с женой Н.А. Ватале-
вой (урожденной Корсаковой) и
дочерьми Валентиной (1909 г.р.) и
Марией (1912 г.р.). Фото 1915 г.

